Таривердиев Микаэл 15.02.03

Человек

Они гордились друг другом — отец, композитор Микаэл Таривердиев, и его сын Карен, офицер спецназа ГРУ

На огонь смотрел и на солнце немигающими глазами

Подлинно всенародную славу фильму «Семнадцать мгновений весны» принесли не только режиссер Лиознова и Штирлиц–Тихонов, но и, несомненно, Микаэл Таривердиев. Казалось бы, композитор-лирик, какая у него связь со спецслужбами?.. А связь между тем была.

«Мне хотелось бы, чтобы сын мой из-под дедовских век нависших на огонь смотрел и на солнце немигающими глазами...» Песню с такими словами написал в молодости композитор Микаэл Таривердиев. Сын Микаэла Таривердиева стал офицером спецназа ГРУ. Насмотрелся немигающими глазами и на солнце, и на огонь...

Сергей НЕХАМКИН

«Мы существовали в параллельных мирах»

Отставной майор Карен Таривердиев живет в непринятной пятиэтажке возле станции метро «Новые Черемушки». Раньше — старенькая «Нива» у подъезда, лет пятнадцать уже стоит на приколе, и по весне Карен наблюдает в окно, как сосед дядя Витя подновляет ее малярной кистью, копошится в моторе — все надеется однажды выехать с сыном.

Старый дом, где народ давно знает друг друга; квартира, в которой Карен сейчас живет с дочкой, — родные стены, крепость, последний рубеж, отсюда он ушел в юности, сюда вернулся в зрелости; он может показать место, где стояла его колыбель...

* * *

«Моя мама, Елена Васильевна Андреева, была старше отца на шесть лет. Хотя почему была? Слава богу, жива, работает в галерее в Доме Нашекина — интеллигентная среда, культурные люди. А тогда она только-только закончила Песенку, стала солисткой филармонии, сопрано. Про первое знакомство с отцом рассказывает так: она входит в лифт, и тут в кабинку влетает длинный парень с обаятельными армянскими глазами и начинает сбивчиво объяснять, что он студент композиторского, написал цикл на стихи японских поэтов. «Леля, этот цикл рассчитан на ваш голос, скоро экзаменационный концерт, я умоляю выступить, посмотрите ноты!» Мать пожала плечами.

Через пару дней он позвонил. Мать сказала: «Так и быть. Спою. Музыка мне понравилась». И добавила: «Вы — нет! А музыка понравилась».

Думаю, она просто держала марку. Отец всегда фантастически нравился женщинам.

С того все у них и началось, растянувшись на несколько лет. Потом пришло время распределения, кому талант светило что-то дипломатическое, а как собой возник вариант: они расписываются, отец законно остается в Москве.

В 1960-м появился я».

* * *

«Не думаю, что родительский развод проходил мирно, но они, как интеллигентные люди, постарались «сохранить лицо».

Собственно, видимо, все стало ясно, когда вышел «Человек идет за солнцем». На отца обрушилась слава. Мать как-то сказала: «Зашла в этом доме молодой муж. А проснулся Микаэл Таривердиев».

Я еще ничего не понимал, мне было не больше трех лет, но дразг они меня берегли. Никогда в моем присутствии отец о матери и мать об отце дурно не отзывались».

* * *

«Свои обязанности «приходящего папы» отец выполнял честно. Деньгами помогал. Чуть воскресенье — он в квартире, мы идем на хоккей. Билеты заранее брала мама. Хоккей отец терпеть не мог: Зато я им бредил.

Я мог прийти к нему в любой момент, он был всегда рад, но сказать, чтобы это случалось регулярно... С самого начала как-то само собой установилось — у каждого была своя жизнь. Я приходил, забирался в кресло («кресло в петухах» — так оно называлось, так китайская вышивка по шелковой обивке; сейчас в это кресло, когда телепередачи про отца снимают, обязательно кого-то сажают), приблизительно неизвестные мне люди, о чем-то спорили, отец играл, опять спорили — на меня ноль внимания, я сидел, книжки листал. Одно время мать очень хотела, чтобы отец приходил к нам на мои дни рождения — чтобы все по правилам, торжественный стол, что-се. Он ходил поначалу, но было видно, как его это тяготит. Потом честно сказал: «Знаешь, Карен, у тебя уже свои компания, ну чего я, взрослый дядька, буду на вас отсиживать, развлекаться мешать?» И ведь был прав!»

* * *

«Тут так. Он четко сознавал, что я его сын и что он несет за меня ответственность. Если мать звонила и произносила фразу типа: «Микаэл, с Кареном вопрос, который за пределами моей компетенции», — появлялся незамедлительно.

Помню, в девять лет я спер в гастрономе коробку эфира в шоколаде за рубль двадцать пять. Просто из озорства. Только-только появились магазины самообслуживания, как же не рискнуть! Естественно, немедленно был пойман бдительными продавщицами, торжественно сдан в милицию. Мама прибежала в слезах, заплатила эти несчастные рубль двадцать пять, выслушала все нотации по поводу моего воспитания, дома водворила меня в пустую комнату под строгий арест — и набрала номер. Появляется отец. С ходу отправляет мать на кухню, чтобы не слышала, меня припирает к пианино — и берет за горло. Представляешь ладонь моего отца — большую, с длиннющими пальцами, очень сильную? (Ведь ко всему физически был страшно крепкий.) С каменным лицом наблюдает, как я багровею и хрипцю. В самый последний момент отпускает. И — не повышая тона: «Знаешь, из-за чего застрелился N? Ему было стыдно за сына. Так вот, запомни: я стреляться не стану. Мне проще тебя убить. Веришь?» Всё — от вороватых и был отучен на корню.

С другой стороны... Мы существовали как бы в параллельных мирах, но 28 мая в день моего рождения эти миры законно пересекались. Я нагло, без предупреждения приходил на отцовскую квартиру и ждал подарка. Своего рода сыновнее вымогательство. Или напоминание о себе?

И вот 28 мая 1976 года я приезжаю. Гордо восседаю в кресле. А отец, как назло, все с какими-то дядьками у рояля. Наконец дядьки ушли, отец тоже одевается. На меня посмотрел: «Карен, мне вообще-то ехать надо!» — «Папа, у меня вообще-то день рождения!» У него на лице нарисовалось: «Забыл, идиот!» Пошел в соседнюю комнату, возвращается с коробкой. Рашия «уоки-токи» — мечта! «Ну, пошли, прокатишься со мной по такому поводу». Едем по городу. Отец без конца останавливается, выходит — хозяйственные дела, прачечная, магазин... Я в машине остаюсь, рацию эту кручу, инструкцию пытаюсь разобрать. Отец возвращается с очередными пакетами, кидает на заднее сиденье. «Нравится?» — «Класс!» — «В Германии специально для тебя купил. (Его наконец сделали выездным.) Хотел к шестнадцатилетию твоему приберечь, все-таки дата — ну да ладно, дарю сейчас». — «Пап, а мне шестнадцать как раз сегодня».

«Забыл, идиот!» — нарисовалось на его непроницаемом лице повторно».

«Отец был не в восторге от моего желания надеть погоны»

«Мне в училище один дурак сказал: «Надо бы тебе, Таривердиев, поращиваньице использовать. Кто твой отец — композитор? Вот и написал бы нам марш!» Несмотря на всю субординацию, я заржал во весь голос. Просто потому, что представил сивого папу, сочиняющего что-то армейски-строевое.

Как попал в училище? Да в общем случайно. Отец сказал матери: «Не трогай его. Он сейчас в таком состоянии, что или в тюрьму сядет, или в армию должен пойти. В тюрьму после Сибири вроде не хочет. Пусть идет в армию».

Понимаешь, мы все в определенном возрасте иэрядные обалдуи. Я кинул МГУ, философский... Собственно, и поступал туда только для того, чтобы себе доказать, что смогу поступить, — самый престижный факультет. Но к третьему курсу окончательно скис от тоски, несмотря на повышенную стипендию. Захотелось мужского экстрима. Мужской экстрим по тем временам — что-то этакое сибирско-таежное. Уехал в Мегионе в нефтеразведочную экспедицию. Наслаивался тяжелой романтики — выше крыши. Все нормально, только — смысл? Я же китайская вышивка по шелковой обивке; сейчас в это кресло, когда телепередачи про отца снимают, обязательно кого-то сажают), прибегали неизвестные мне люди, о чем-то спорили, отец играл, опять спорили — на меня ноль внимания, я сидел, книжки листал. Одно время мать очень хотела, чтобы отец приходил к нам на мои дни рождения — чтобы все по правилам, торжественный стол, что-се. Он ходил поначалу, но было видно, как его это тяготит. Потом честно сказал: «Знаешь, Карен, у тебя уже свои компания, ну чего я, взрослый дядька, буду на вас отсиживать, развлекаться мешать?» И ведь был прав!»

* * *

«Тут так. Он четко сознавал, что я его сын и что он несет за меня ответственность. Если мать звонила и произносила фразу типа: «Микаэл, с Кареном вопрос, который за пределами моей компетенции», — появлялся незамедлительно.

Помню, в девять лет я спер в гастрономе коробку эфира в шоколаде за рубль двадцать пять. Просто из озорства. Только-только появились магазины самообслуживания, как же не рискнуть! Естественно, немедленно был пойман бдительными продавщицами, торжественно сдан в милицию. Мама прибежала в слезах, заплатила эти несчастные рубль двадцать пять, выслушала все нотации по поводу моего воспитания, дома водворила меня в пустую комнату под строгий арест — и набрала номер. Появляется отец. С ходу отправляет мать на кухню, чтобы не слышала, меня припирает к пианино — и берет за горло. Представляешь ладонь моего отца — большую, с длиннющими пальцами, очень сильную? (Ведь ко всему физически был страшно крепкий.) С каменным лицом наблюдает, как я багровею и хрипцю. В самый последний момент отпускает. И — не повышая тона: «Знаешь, из-за чего застрелился N? Ему было стыдно за сына. Так вот, запомни: я стреляться не стану. Мне проще тебя убить. Веришь?» Всё — от вороватых и был отучен на корню.

С другой стороны... Мы существовали как бы в параллельных мирах, но 28 мая в день моего рождения эти миры законно пересекались. Я нагло, без предупреждения приходил на отцовскую квартиру и ждал подарка. Своего рода сыновнее вымогательство. Или напоминание о себе?

И вот 28 мая 1976 года я приезжаю. Гордо восседаю в кресле. А отец, как назло, все с какими-то дядьками у рояля. Наконец дядьки ушли, отец тоже одевается. На меня посмотрел: «Карен, мне вообще-то ехать надо!» — «Папа, у меня вообще-то день рождения!» У него на лице нарисовалось: «Забыл, идиот!» Пошел в соседнюю комнату, возвращается с коробкой. Рашия «уоки-токи» — мечта! «Ну, пошли, прокатишься со мной по такому поводу». Едем по городу. Отец без конца останавливается, выходит — хозяйственные дела, прачечная, магазин... Я в машине остаюсь, рацию эту кручу, инструкцию пытаюсь разобрать. Отец возвращается с очередными пакетами, кидает на заднее сиденье. «Нравится?» — «Класс!» — «В Германии специально для тебя купил. (Его наконец сделали выездным.) Хотел к шестнадцатилетию твоему приберечь, все-таки дата — ну да ладно, дарю сейчас». — «Пап, а мне шестнадцать как раз сегодня».

«Забыл, идиот!» — нарисовалось на его непроницаемом лице повторно».

«Отец был не в восторге от моего желания надеть погоны»

«Мне в училище один дурак сказал: «Надо бы тебе, Таривердиев, поращиваньице использовать. Кто твой отец — композитор? Вот и написал бы нам марш!» Несмотря на всю суб